

УДК 291.5

ББК 86

DOI 10.31554/2222-9175-2019-35-217-228

А. В. Степанов

ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ РАННЕГО БУДДИЗМА И ХРИСТИАНСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются обстоятельства возникновения и развития буддизма и христианства в свете формирования религиозного этоса. Особо выделяется нравственный идеал этих религиозных традиций, выявляются факторы, послужившие успеху проповеди этих учений. Статья является дополнением к теме магистерского исследования «Религиозный этос буддизма и христианства: компаративный анализ».

Ключевые слова: аскетизм, Будда, буддизм, идеал, любовь, сангха, святость, христианство, Христос, этика.

A. V. Stepanov

ETHICAL IDEALISM OF EARLY BUDDHISM AND CHRISTIANITY: COMPARATIVE ANALYSIS

The article considers the circumstances of the emergence and development of Buddhism and Christianity in the early period of their formation in the light of the formation of a religious ethos. The moral ideal of these religious traditions is highlighted, the factors that have served to the success of the preaching of these teachings are revealed. The article is in addition to the theme of the master's study "The religious ethos of Buddhism and Christianity: a comparative analysis".

Keywords: asceticism, Buddha, Buddhism, ideal, love, sangha, holiness, Christianity, Christ, ethics.

XXI век предлагает нашему взору удивительную картину: с одной стороны, несмотря на весь стремительно идущий научно-технический прогресс и все более расширяющуюся глобализацию, религиозность и религиозная традиция в виде мировых религий, таких как буддизм и христианство, продолжают сохраняться и развиваться, предлагая своим последователям Путь к Истине. С другой стороны, это все более возрастающая секуляризация с попытками вытеснить религию на обочину общественной жизни и требованиями отмены религиозных норм морали как якобы унижающих достоинство человека.

В связи с этим становится понятной необходимость межрелигиозного диалога, изучения иной религиозности, поскольку близость этических норм мировых религий позволяет успешно противостоять нравственному релятивизму и агрессивной секуляризации. И чтобы этот диалог и противостояние были успешными, необходимо изучать тот религиозный опыт, который служит основанием той или иной рели-

СТЕПАНОВ Андрей Васильевич – протоиерей, старший преподаватель кафедры религиоведения и теологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет», магистрант 2-го курса исторического факультета, направления религиоведения (Иркутск, Россия). E-mail: philosophychair_isu@mail.ru.

гиозной традиции. Важно выяснить, как она зарождалась, развивалась и крепла, как покоряла сердца и умы тех, к кому она обращалась с проповедью.

Целью нашего исследования является выявление причин, обстоятельств возникновения и характера буддийской и христианской религиозных традиций, а также проследить формирование религиозного этоса на ранней стадии их развития.

Этический идеал буддизма

Середина I тыс. до н. э. для Индии стала временем кризиса ведической религии, на северо-востоке появляются альтернативные религиозные движения, возникновение которых было связано с разочарованием части древнеиндийского общества в ортодоксальном брахманизме с его ритуализмом и формальным благочестием, а также определенными противоречиями и конфликтами между брахманами (жречеством) и кшатриями. Назревший религиозный кризис спровоцировал появление неортодоксальных аскетических движений, так называемых шраманов – аскетов, «отвергших авторитет брахманов и священных Вед и поставивших своей целью самостоятельный поиск истины через занятия философией и йогой». Одним из таких шраманов (или, на языке пали, саманов) и был Будда Шакьямуни, исторический основатель буддизма [Торчинов 2018: 11].

Анри Бергсон в «В двух источниках морали религии» выделяет религии динамические и статические. Герой динамической религии – мистик. Цель великих мистиков, которым адресованы все симпатии Бергсона, – «радикально преобразовать человечество, начав с собственного примера». На мистика Бергсон возлагает всю надежду, потому что он обновляет традицию. Мистик тоже дестабилизирует ситуацию, но Бергсон это приветствует, так как считает мотивом горение высоких чувств и сильных переживаний [Василенко 2009: 122].

Буддизм с этой точки зрения представляет собой яркий пример динамической религии. Такую мысль высказывает в своей «Индийской философии» и Сарвепалли Радхакришнан: «Если говорить о динамической концепции реальности, то буддизм является блестящим предвестником творческого эволюционизма Бергсона» [2008: 220].

Е. Торчинов относит буддизм к религии чистого опыта, «в которой психологическое ядро религиозности выступает наиболее явно и непосредственно, а психотехнический опыт (йога как психопрактика преобразования сознания) составляет высшую цель их практики» [2019: 209]. Нередко под ранним буддизмом понимают одно из направлений буддизма – хинаяну. Но такое приравнивание, по мнению Е. Торчинова, не совсем корректно. «Интересен тот факт, – пишет он, – что Хинаяну и Махаяну разделяет не такой уж большой период времени, и это не позволяет ставить знак равенства между ранним буддизмом и Хинаяной, а также считать Махаяну исключительно поздним временем и солидаризоваться, таким образом, с ортодоксальной тхеравадинской позицией» [2018: 69].

«По вопросу об отношении Будды к кастам, – пишет С. Радхакришнан, – существует много недоразумений. Он не выступает против этого института, а придерживается точки зрения упанишад. Брахман, или руководитель общества, – брахман не столько по рождению, сколько по характеру. Во времена Будды кастовая система была в запутанном состоянии, различия основывались скорее на рождении, чем на качествах того или иного человека. Во власти всех людей было стать совершенными. Сам Будда являет пример совершенства познания, которого мог бы достичь любой человек с помощью размышления и самообуздания» [Радхакришнан 2008: 279].

«Мы не можем сказать, что Будда отменил касты, – далее продолжает он, – потому что религия Будды аристократична. Она полна тонкостей, которые могли

быть понятны только образованным людям, и Будда всегда имеет в виду саманов и брахманов. Его первыми обращенными были брахманы и богатые юноши Бенареса. Мы не можем сказать, что Будда осуществил какую-то социальную революцию. Даже рождение в семье брахмана Будда считает вознаграждением за какую-нибудь заслугу. Он был духовным реформатором в том смысле, что завоевал для бедных и униженных место в царстве божием. Будда не был социальным реформатором. Его самым прочным убеждением было то, что страдание связано с эгоизмом, и он проповедовал нравственные и духовные правила, выполнение которых должно было искоренить самодовольное представление о -я-.

Весь дух Будды был потусторонен, он не имел качеств пламенного энтузиаста земного царства, необходимых для социального реформатора или народного вождя. Дух Будды был чужд этому энтузиазму, без которого никто не может выступать в качестве борца за угнетенных против угнетателя. Пусть государство и общество остаются такими, какие они есть; религиозный человек, отвергнувший мир в качестве монаха, не принимает участия в его заботах и занятиях» [Радхакришнан 2008: 279–280].

Буддийский мыслитель не античный философ, он монах, стремящийся к освобождению сам и желающий привести к нему других людей. «Что такое человек, как устроено его сознание, каковы механизмы его функционирования и как его надо преобразовать, чтобы из сансарического страдающего существа он превратился в существо свободное, из профана – в святого, из существа омраченного – в существо просветленное – вот побудительный мотив буддийского философствования» [Торчинов 2018: 69]. Таким образом формируется религиозный этос.

«Как ночь неспящего долга,
Как тяжек долгий путь ночной;
Кто истины не хочет знать,
Рождений цепь того гнетет» [Радхакришнан 2008: 266].

Так гласит буддийская пословица. Жизнь на земле есть странствие по чужой стране, которое человек, обладающий истинным знанием, не стремится затянуть. Будда указывает путь спасения от внутреннего противоречия, характерного для человеческой жизни. Избавление от страдания – вот основной мотив учения Будды. Бежать от всепроникающего зла существования – вот цель нравственной жизни. Поскольку нирвана есть высшая цель, все формы поведения, положительно ведущие к ней или приводящие к прекращению новых рождений, хороши, а противоположные формы – дурны.

Этика буддизма основана на его психологии. Всякая здравая философия и подлинная этика требуют правильного психологического анализа. Психология буддизма была разработана в интересах этики. Буддийские правила поведения, воспитание воли и т. д. требуют наличия определенной теории вопроса о том, как вызываются ощущения и развивается внимание. Буддизм анализирует нравственную личность человека и обнаруживает, что на ее развитие воздействует принцип нравственной причинности. Даже отказ от теории атмана имеет этический мотив. Согласно буддизму, воля представляет собой дар, отличающий человека, благодаря которому он представляет собой нравственное существо. Учение о карме, нравственной причинности показывает, что все существующее порождено желанием. В буддийской этике порицаются не желания вообще, а желания, рожденные омрачениями. Вместе с Кантом Будда мог бы сказать, что единственная вещь в мире, обладающая абсолютной ценностью, – это добрая воля, воля, свободно определяемая нравственным законом.

Система, проповедуемая Буддой, свободна от крайностей потворства самому себе и самоистязания. После шести лет аскетической жизни Будда пришел к выводу,

что истинный путь «не может быть достигнут тем, кто потерял свою силу». «Есть две крайности, которым тот, кто отправился в путь, не должен следовать, – с одной стороны, привычная приверженность к страстям и удовольствиям, получаемым от чувственных вещей, и, с другой стороны, привычная приверженность к самоумерщвлению, которое болезненно, неблагоприятно и бесполезно.

Есть средний путь, открытый Татхагатой, – путь, открывающий глаза и наделяющий разумом, ведущий к миру, к прозрению высшей мудрости, к нирване. Это истинно благородный восьмеричный путь. Это значит: правильные взгляды, правильные стремления, правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильное стремление, правильная направленность мысли и правильный экстаз» [Радхакришнан 2008: 268]. Этот восьмеричный путь и есть буддийская мораль.

В буддизме ничего не говорится о благодати. Все дело в саморазвитии. С помощью усилия и тренировки человек может выработать в себе силу и добродетель, которые сделают его независимым от всех вещей. Никто не сможет победить его, если он сам победит себя. «Даже бог не может превратить в поражение победу человека, победившего самого себя». Так как Будда требует любви к человечеству и воспитания духа независимо от религиозной санкции, некоторые утверждают даже, что Гаутама Будда – это позитивист Огюст Конт, родившийся на две тысячи лет раньше [Там же: 272].

Буддийская мораль скорее индивидуальна, чем социальна. Когда Ананда спросил Будду о предписаниях относительно ордена, Будда ответил: «Будьте светочами для самих себя; будьте убежищем для самих себя: не спасайтесь ни в каком внешнем убежище; будьте привержены истине как светочу, держитесь крепко как убежища истины: не ищите никакого иного убежища, кроме себя самих» [Там же: 272].

Буддизму удалось подорвать влияние брахманизма в стране, где он был более тысячи лет преобладающей религией, и примерно через двести лет государственной религией Индии был признан буддизм. При этом нельзя сказать, что Будда угождал страстям и предрассудкам народа. Буддизм не содержит призыва к человеческому эгоизму, поскольку Будда требует строгого отречения от всех удовольствий, дорогих людям.

Причины успеха буддизма как религии – это три драгоценных камня, *триратна*: 1) Будда, 2) *дхарма*, закон и 3) *сангха*, братство.

Сангха – это буддийское братство, в которое вступают ученики, решившие вести совершенную жизнь. Это религиозный орден, в члены которого принимают после ряда обетов и заявлений о принятии основных положений веры. Он открыт для всех без исключения. Вначале Будда неблагоприятно относился к женщинам. Когда Ананда спросил его, как должен вести себя мужчина в присутствии женщины, Будда ответил: «Избегай смотреть на нее... если необходимо смотреть, не говори с ней; если необходимо говорить, тогда держись настороже». Когда царица, вдова Шуддходаны, решила вступить на путь отшельнической жизни и пришла к Будде, прося обратить ее, в сопровождении жен пятисот князей, Будда трижды отказывал, считая, что принятие женщин в орден смутит дух многих, вступивших в него прежде. Когда они снова пришли – ноги их кровоточили, одежда была в пыли, – Ананда спросил: «Разве Будды рождаются в мир только ради блага мужчин? Несомненно, они рождаются и на благо женщин» [Там же: 278]. После этого они были приняты. Только больные люди и закоренелые преступники, а также те, чье принятие вызвало бы конфликт с существующим правом, – солдаты, должники, рабы, сыновья родителей, не желающих их вступления в орден, и дети, – не принимались.

Сангха – это организованное братство, состоящее из монахов и нищих. Аскеты брахманистской религии не обладали такой организованной корпорацией. организо-

ванность буддистов объясняется духом прозелитизма, сознательно усвоенного ими. Буддийский монах не имеет власти спасти или осудить человека. Он не творит чудеса, он не посредник между богом и человеком, но всего лишь проводник, руководитель. В сангху входят как мирские члены, так и монахи. Если мирской член – это признающий учение Будды, то монах – это миссионер. Правила буддийской сангхи заимствованы из брахманских сводов правил, но приспособлены для миссионерских целей. Отношения между Буддой и его учениками или между монахами и последователями учения – это отношения между учителем и учеником [Радхакришнан 2008].

Своеобразная личность и жизненный путь Будды имели громадное воздействие на умы людей. Говоря о личности основателя буддизма, Барт пишет: «Мы должны ясно представить себе эту замечательную фигуру... этот совершенный образец спокойствия и кроткого величия, бесконечной нежности ко всему дышащему и сострадания ко всему страдающему, человека, обладающего совершенной нравственной свободой и лишённого всех предрассудков» [цит. по: Там же].

Идея человеческого братства подрывала растущую строгость кастовой системы. Институт сангхи, ее дух и правила привлекли многих. Буддийские монахи, подобно основателю учения, оставляли все, чтобы проповедовать Истину. Будда оправдывал требование добрых дел даже от тех, кто не верил в личного бога. В эпоху, когда кровавые жертвы еще не вышли из обычая, проповедь милосердия ко всем созданиям имела громадное воздействие. Выступление Будды против обрядности в значительной степени способствовало привлекательности его учения для масс.

Именно пламенный идеал справедливости помог буддизму добиться успеха в качестве религии. Будда призывал своих учеников: идите во все страны и скажите, что бедные и униженные, богатые и высокие – все это одно и что все касты объединяются в этой религии, как реки в море. Буддизм добился такого большого успеха, потому что он был религией любви и дал голос всем силам, не умевшим себя выразить, выступавшим против установленного порядка и обрядовой религии, обратившись к бедным, униженным и обездоленным: «в этом мире никогда ненависть не прекращается от ненависти – ненависть прекращается от любви». «Победа порождает ненависть, ибо побежденный несчастлив». «Можно победить тысячу человек в битве, но величайший победитель – тот, кто победит себя самого». «Пусть человек побеждает гнев добротой, а зло добром». «Не рождение, а одно только поведение приводит человека в низшую касту или в касту брахманов». «Скрывай свои добрые дела и признавайся миру в грехах, которые ты совершил». «Кто по своей воле захочет хулить тех, кто совершил греховный поступок? Ведь это значило бы сыпать соль на раны их проступка» [Там же 2008: 302].

В этих изречениях Будды и заключается сила и притягательность предложенного им учения, своего рода поэтическое очарование буддизма.

Святость и чистота жизни христиан первых веков

Христианство является крупнейшей мировой религией, и возникло оно на идейной почве иудаизма в I в. в Палестине. Часть священных книг иудаизма (составляющих Ветхий Завет) вошла в канон священных книг христианства. Идея монотеизма, вера в мессию-спасителя (ивр. «машиах»), повествование о грехопадении человека, идея избранного Богом народа были переосмыслены христианством. В частности, идея грехопадения превращается в учение о «поврежденности» природы человека и наследуемом первородном грехе; надэтнический характер приобретает, во многом благодаря деятельности апостола Павла, идея о богоизбранничестве еврейского народа; машиах в христианстве не царь – потомок Давида, а Мессия, Спаситель – Иисус Христос (греч. «помазанник»), Своей крестной смертью искупивший грехи

мира и сделавший возможным спасение всем, кто поверит в Него [Религиоведение 2015]. Надо сказать, что ко времени возникновения христианства ветхозаветная религия вместо прежнего союза, как интимного взаимоотношения Бога с народом, получила характер делового, жизненно-практического договора. Таким образом, можно утверждать, что христианство возникло на почве иудаизма, который находился в этот момент в глубоком религиозно-политическом кризисе.

Среди обстоятельств, формировавших религиозный этос раннего христианства, надо перечислить следующие: это объединившая первых христиан вера в спасительную миссию Христа и Его Воскресение, которая рассматривалась как подтверждение возможности воскресения для всех Его верных последователей, и напряженный эсхатологизм. В Евангелиях часто говорится о неизвестности дня Страшного суда, потому верные призываются к бдительности и готовности к этому испытанию. Ранние христиане ожидали Страшного суда и Второго Пришествия Христа, Сына Божия, буквально со дня на день, и потому земной мир и земная жизнь не имели в глазах ожидавших скорого преображения мира и наступления Царства Божия никакой ценности [Там же].

Уже упомянутый нами А. Бергсон относит христианство, в отличие от буддизма, к религии статической. Главный герой здесь не мистик, а священник, которому он приписывает роль главного консерватора в худшем смысле этого слова: «священник хранит религию, непременно противится новому и подавляет дестабилизирующую личностную активность. Интеллектуально-критическую работу “священник” считает подрывной и опасной, он блокирует ее мифом и контролем» [цит. по: Василенко 2009: 122]. Церковь как богочеловеческий организм в концепции Бергсона не появляется. По этому поводу можно привести следующее возражение: «священник» бывает намного более гибким и чутким, чем у Бергсона, он способен использовать аргументацию и достижения своего оппонента во благо традиции. В качестве примера можно привести брахминиста Шанкару (VIII–IX вв.), который, укрепляя позиции индуизма, внимательно отнесся ко всему, что было предложено буддизмом, и вовлек это в доктрину Веданты, сохранив ее главные принципы [Там же]. В своей подлинности священническое служение, по мнению Л. И. Василенко, является пророческим.

По мнению Е. Торчинова, христианство, в отличие от буддизма, который полностью базируется на трансперсональном опыте своего основателя, к воспроизведению которого он призывал своих последователей, является религией, во-первых, догматической; во-вторых, является религией откровения; в-третьих, – библейской (авраамической) [2019: 400]. В свете сказанного буддизм, в особенности буддизм махаяны, представляет собой пеструю картину из различных течений и направлений, подчас чрезвычайно отличающихся друг от друга и более напоминающих разные религии, нежели разные конфессии в рамках одной религии, и его вполне справедливо можно сравнить с протестантизмом в христианстве, в котором помимо ряда конфессий имеются великое множество деноминаций.

Такая ситуация явилась следствием отхода от догматов и провозглашения принципа: только вера, только Писание! Мы не ошибемся, сказав, что в основе протестантизма лежит индивидуальный опыт понимания смысла Писания, претендующий на роль единственно истинного. И что еще примечательно, констатирует Е. Торчинов: в христианстве самый костяк религиозных общин составляют верующие – миряне, тогда как в буддизме это сангха – монашеский орден [Там же].

Именно благодаря своей строгой догматике христианство сохраняет неизменным дух евангельской проповеди, оберегая и защищая от искажений и извращений с самого раннего времени своего существования. Особенно это проявилось во

время появления монтанизма, в котором ожидание скорой паруси – Второго Пришествия, соединилось с хилиастическим утопизмом – ожиданием тысячелетнего Царства Христова. Монтанизму также была свойственна идея «третьего завета». В связи с этим весьма любопытно мнение протеирея Владислава Цыпина: «Типологически, не содержательно близкой аналогией монтанизму можно признать ислам, который, принимая ветхозаветных пророков и пророческое достоинство Иисуса Христа (Исы), опирается как на последний и высший источник богопознания на Коран, признаваемый мусульманами за ниспосланную свыше через Магомета пророческую книгу. И в этом ракурсе монтанизм – это не удавшийся, в отличие от ислама, опыт создания новой религии» [2016: 137].

Христианство принесло в жизнь, прежде всего иудеев, новое начало – учение о братстве и любви всех людей между собой. Сообщая об этом новом начале своим ученикам, среди которых преобладали иудеи, считавшие, что евангельская проповедь обращена именно к ним, Спаситель заповедовал, чтобы оно было отличительным признаком Его последователей. Христиане апостольского века, близкие ко времени Спасителя и видевшие перед собой жизнь апостолов, в своей жизни действительно представляли полнейшее осуществление этого начала; взаимная братская любовь была первой отличительной чертой их жизни. У множества верующих, замечается в «Деяниях Апостольских», было «одно сердце и одна душа».

Люди, образовавшие собой Церковь Христову, несмотря на различие происхождения, общественного положения и состояния, считали друг друга братьями и любили друг друга как братьев. Такое настроение выражалось в том, что «все верующие были вместе и имели все общее. И продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2, 44–45). Такой образ жизни послужил впоследствии идеалом для христианского монашества. На него ссылались и приверженные хилиастической ереси средневековые утописты и даже не порывавшие с христианской традицией коммунистические прожектеры Нового времени [Там же: 14]. Марксизм думает видеть здесь коммунизм не в смысле производства, а потребления благ, придавая обществу имущества юридически-обязательный, принудительный характер, что противоречило действительности [Поснов 1991]. Общие бедствия вызывали благотворительность христиан во всей силе.

Прямодушие и честность христиан в столкновениях с язычниками по делам житейским и особенно торговым, их верность, преданность и покорность правительству во всех делах, за исключением дел веры, замечаемы были даже языческим обществом и правительством и нередко вызывали сочувствие того и другого. Недаром Констанций Хлор и Константин, последний еще до принятия христианства, считали христиан самыми лучшими подданными в своей империи. Другой отличительной чертой жизни христиан в первые века была чистота и строгость их нравов, особенно поразительная на контрасте с нравственной распущенностью язычников [Православная энциклопедия].

Литургийные собрания христианской общины по воскресным дням, в священные времена и праздничные давали возможность верующим исполнять свою обязанность богопочитания и питать, возвращать в себе начатки сверхъестественной жизни, полученные в крещении. Однако участием в этом общем богослужении не исчерпывались религиозные действия для отдельных лиц. Идеалом христианской жизни было постоянное общение с Богом в молитве.

Весьма употребителен был обычай крестного знамени у христиан, прежде чем они приступали к какой-нибудь деятельности. Как существовали твердо установленные времена для молитвы, так же очень рано появились и определенные формы для христианских молитв. Между ними первое место занимала молитва, которой

научил Своих апостолов Сам Спаситель, – молитва Господня, *Pater noster*, молитва вполне универсальная, отвечающая всем духовным и телесным нуждам всех народов и всех сословий, поэтому с самого первого времени, с особенною любовью употреблявшаяся всеми, так как они находили в ней всю проповедь Христа, точно схваченную и точно изложенную в одном резюме, таком богатым мыслями. Молитва была силою обновляющей и образующей жизнь личности, с действиями которой ничто не могло идти в сравнение [Поснов 1991].

Нравственная сила христианства различным образом обнаруживалась в жизни его последователей. Она явила себя в высокой мере в возвышении достоинства женщины и улучшении брачных отношений. Брак, который выродился у язычников и иудеев, отпал от первоначальной своей чистоты, был у христиан как символ единения Христа с Церковью, как земная тайна (Еф. 5: 32).

В отношении к языческим властям христиане обнаруживали верное послушание и удивительное терпение, платили все дани и точно исполняли все свои повинности и обязанности. Но, где требовалось то, что вредило их совести и религии, то тогда Богу повиновались более, чем людям (Деян. 4: 19; 5: 29), так как они пользовались христианскою свободою, которая делала их способными, укрепляла и уполномочивала в делах совести не следовать никакой другой воле, как божественной. Эта нравственная свобода мало-помалу проложила путь государственной, она сломала деспотизм старого мира, она смягчила цепи рабства, чтобы позднее совершенно устранить их.

Некоторым христианам при прохождении воинской службы казались несовместимыми с их верованиями те или иные предписания почитания римского императора, например во время празднества увенчания его венком.

Со всею строгостью отцы Церкви поражали языческий театр, игру гладиаторов, танцы, официальные празднества. Иногда требуемая ими строгость нравов заходила слишком далеко, выше евангельской меры и вопреки евангельскому духу.

Вообще, христиане этого времени отличались высокою жизнью и истинным благочестием и являлись для всех современников как соль земли, как свет миру. Церковь была носительницею высшего благонравия и образования. Она возвратила человеческому роду его достоинство, она облагородила человеческий труд и всякое честное занятие; она поставила рядом бедного, незначительного с богатым и знатным как равного им брата; она научила побеждать эгоизм, материализм и предпочитать страдания и ужасы смерти за Христа всем выгодам и благам житейским.

Христианство поставило на почетное место смирение и самоотречение, воздержание и целомудрие. Оно создало и воспитало новых людей – добросовестных граждан, верных супругов, любящих детей, надежных слуг, истинные великие характеры во всех положениях; оно старалось воплотить в них идеал, который оставил Христос, и открыло им живой источник для утешения и возвышения над земным – это для всех гонимых и притесняемых. Как на первую и высшую заповедь Иисус Христос указал на любовь к Богу и ближним.

Любовь к Богу христиане особенно доказали во время гонений, да и повседневная жизнь немало представляла таких доказательств. Исполнение обязанности к ближнему обнаруживалось в великой любви, которая только могла сплотить в единое братство столь разнородных людей, как иудеев, так и язычников, богатых и бедных, ученых и неученых, свободных и невольников, греков и варваров.

Христиане не только любили людей как братьев по вере, как сыновей единого небесного Отца и поддерживали друг друга; но даже принадлежавшие к другим религиям испытали на себе силу любви и самоотверженность христиан во время, например, опустошительной чумы, как это было при Дионисии Александрийском

и при Киприане в Карфагене. Бедные, больные, выбрасываемые из домов самими язычниками, опасно больные были подбираемы христианами и составляли предмет их нежной любви.

Так, святитель Дионисий Александрийский описывает в привлекательном свете полное евангельской любви поведение христиан во время моровой язвы, свирепствовавшей в Александрии, сопоставляя его с поведением язычников. «Весьма многие, – говорит он, – от избытка любви и братолюбия не щадили самих себя, но поддерживали друг друга, безбоязненно посещали больных, неутомимо ходили за ними и, служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, потому что, исполняясь страданиями других, привлекали к себе болезнь от своих близких и добровольно принимали их мучения. Таким образом, оставляли жизнь лучшие из наших братьев: некоторые пресвитеры, и диаконы, и многие весьма похвальные от народа. Они принимали тела святых на распростертые руки и перси, закрывали им глаза, заключали уста, несли их на своих плечах и потом полагали, прижимали к себе и обнимали, украшали их умываниями и одеждами, а вскоре и сами сподоблялись того же, потому что оставшиеся в живых всегда следовали по стопам своих предшественников. Совершенно напротив поступали язычники: они прогоняли начавших хворать; убегали от самых любезных, выбрасывали на улицу полумертвых, оставляли без погребения мертвых, и таким образом старались избавиться от передаваемой и сообщающейся смерти, которую, однако, и при всех их усилиях не легко было им отклонить от себя» [Православная энциклопедия].

Христианское терпение и твердость обнаружили блестящим образом в мученичестве, свидетельстве за Христа. Ведь ничто так не возвышает и не прославляет Церковь, как кровь ее членов, ничто не приводит в такой степени к ее росту и процветанию, как кровь мучеников. Это была полнейшая противоположность язычеству. «Христианин, – писал Ориген, – скорее отдаст за свою веру свою жизнь, чем язычник за всех богов кусок мантии». Множество христианских мучеников всякого возраста, пола и состояния оправдали это изречение Оригена» [Поснов 1991: 223].

Мученичество – в высшей степени характерное явление первого периода церковной истории. Мученики – это борцы веры; их мучение – это «подвиг» с оттенком торжественности. Следовательно, мученик – не пассивный страдалец, а герой-делец. Действительно, внешние мучения не представляли собой чего-то необычного, потому что римские законы подвергали истязаниям всех преступников. Римляне часто видели кровавые сцены в амфитеатрах цирка, бои гладиаторов, зверей и т. п., так что они привыкли к таким зрелищам. Язычников более всего поражали не телесные мучения, а героизм и стойкость в вере мучеников.

В то время народ признавал свою религию не в убеждении, а в выражении этого убеждения в культе, который можно совершать без веры, механически. Христиане же были настолько тверды в вере Христовой, что терпели все, даже смерть. В умы язычников это не вмещалось: они никогда бы так не поступили. И вот здесь выступает главное значение мучеников как свидетелей истины христианской религии. На вопросы язычников: «Что есть истина?» христиане своей кровью свидетельствовали об истине, в которой они были убеждены [Православная энциклопедия].

На первых порах жизни Церкви мы видим многих подвижников и подвижниц разного рода. Одни принимали на себя обет девства, отказываясь от семейной жизни; другие – обет произвольной нищеты, отказываясь от своего имущества и раздавая его бедным; иные проводили время в непрестанной молитве, посте и воздержании, а некоторые соединяли все эти обеты вместе. Такие подвижники известны под названием аскетов. Ограничивая в себе чувственные потребности и удерживаясь от

житейских наслаждений, они стремились возвысить свой дух над плотью, чтобы беспрепятственно посвятить себя служению Богу.

Аскетизм имел место в иудействе (ессы и ферапевты) и в язычестве (стоики, пифагорейцы), но там он основывался на дуалистическом воззрении на мир, по которому материя отождествлялась со злом и считалась источником греха. В христианстве, напротив, ничто материальное не считалось источником зла, и ненависти к материальному не было; христианская аскетическая жизнь была свободным, необязательным подвигом, возвышающим дух человеческий над материальными условиями ради жизни чисто духовной.

В I и II вв. подвижничество во всех его видах было явлением одиночным: подвижники жили в обществе других людей, не составляя из себя особого общества с определенными правилами жизни, и не считали своих обетов неизменными. В конце III в. подвижничество получает более определенный вид. Люди, стремящиеся к высшему нравственному совершенству, находят более удобным проводить жизнь аскетическую вдали от общества, в пустынях, в которые и удаляются. Удалившиеся сюда подвижники получили название анахоретов, эремитов и, наконец, монахов. Гонение Декия в середине III в. послужило внешним поводом к началу анахоретского образа жизни. Некоторые из египетских христиан бежали в соседние пустыни и здесь, вдали от общества людей, вели подвижническую жизнь. Из таких подвижников особенно замечателен Павел Фивейский. Пятнадцатилетним мальчиком он ушел в Фиваидскую пустыню и прожил в ней более восьмидесяти лет, не видя людей, питаясь дикими плодами, кореньями и травами и проводя время в молитвах. Павел Фивейский, таким образом, положил начало монашескому образу жизни. Но отцом монашества и организатором его был Антоний Великий, жизнь и деятельность которого относится более к IV в. [Православная энциклопедия].

Наше исследование будет неполным, если мы не приведем следующее высказывание: «Не мог Посланный ради спасения мира из любви к миру не любить его, не любить красот этого тварного мира, не любоваться этой природой, не наслаждаться ею. Господь Спаситель не уходил от красот этого мира. Он пошел к людям, в жизнь, в природу, к твари, пошел их любить, их спасать, их преобразовывать. Он любил все сие, ничего не отвергал, ничего не проклинал, ничего не гнушался, как не гнушался и не отвергал рода людского, валяющегося в пучине грехов и чающего избавления и любви. Он пошел к людям не для того, чтобы отучить их есть и пить, не для того, чтобы обречь их на постоянный пост и бесплотное житие, но чтобы накормить голодных и напоить жаждущих, благословить их радостные встречи. Он пошел к людям, чтобы научить их любить друг друга, чтобы избавить их от греха, чтобы взять их грех на Себя, сораспять его с Собою. Избавить от греха и прославить плоть, а не проклясть ее. Бог не отвернулся ни от чего Им сотворенного и, продолжая любить, нам заповедует то же» [Се восходим во Иерусалим 2013: 21–22]. И эта любовь победила мир.

Подводя итог проведенного исследования, мы должны сделать следующие выводы.

Буддизм и христианство имели своих идейных предшественников, брахманизм и иудаизм, которые к этому времени испытывали серьезный кризис, превратившись из союза интимного взаимоотношения Бога с народом в деловой, жизненно-практический договор.

Формированию религиозного этоса способствуют следующие обстоятельства:

– в буддизме это побудительный мотив философствования: что такое человек, как устроено его сознание, каковы механизмы его функционирования и как его надо преобразовать, чтобы из сансарического страдающего существа он превратился в

существо свободное, из профана – в святого, из существа омраченного – в существо просветленное;

– в христианстве – это вера, объединившая первых христиан, в спасительную миссию Христа и Его Воскресение, и напряженный эсхатологизм. Ранние христиане ожидали Страшного суда и Второго пришествия Христа, Сына Божия, буквально со дня на день, и потому земной мир и земная жизнь не имели в глазах ожидавших скорого преобразования мира и наступления Царства Божия никакой ценности.

Буддизм представляет собой яркий пример динамической религии. Если говорить о динамической концепции реальности, то буддизм является блестящим предвестником творческого эволюционизма Бергсона. Буддизм относится к той религии, в которой психологическое ядро религиозности выступает наиболее явно и непосредственно, а психотехнический опыт составляет высшую цель практики.

А. Бергсон относит христианство к религии статической, а по мнению Е. Торчинова, христианство является религией, во-первых, догматической, во-вторых – религией откровения, в третьих – библейской.

И, что еще примечательно, в христианстве самый костяк религиозных общин составляют верующие – миряне, тогда как в буддизме это сангха – монашеский орден.

Будда указывает путь спасения от внутреннего противоречия, характерного для человеческой жизни. Избавление от страдания – основной мотив Учения Будды. Бежать от всепроникающего зла существования – цель нравственной жизни. Поскольку нирвана есть высшая цель, все формы поведения, положительно ведущие к ней или приводящие к прекращению новых рождений, хороши, а противоположные формы – дурны.

Христианство поставило на почетное место смирение и самоотречение, воздержание и целомудрие. Оно создало и воспитало новых людей – добросовестных граждан, верных супругов, любящих детей, надежных слуг, истинные великие характеры во всех положениях; оно старалось воплотить в них идеал, который оставил Христос, и открыло им живой источник для утешения и возвышения над земным – это для всех гонимых и притесняемых. Как на первую и высшую заповедь Иисус Христос указал на любовь к Богу и ближним.

Причины успеха буддизма как религии – это три драгоценных камня: Будда, *дхарма* (закон) и *сангха* (братство). Идея человеческого братства подрывала растущую строгость кастовой системы. Институт сангхи, ее дух и правила привлекли многих. Буддийские монахи, подобно основателю учения, оставляли все, чтобы проповедовать Истину. Будда оправдывал требование добрых дел даже от тех, кто не верил в личного бога. В эпоху, когда кровавые жертвы еще не вышли из обычая, проповедь милосердия ко всем созданиям имела громадное воздействие. Выступление Будды против обрядности в значительной степени способствовало привлекательности его учения для масс. Своеобразная личность и жизненный путь Будды имели громадное воздействие на умы людей. Он являл собой совершенный образец спокойствия и кроткого величия, бесконечной нежности ко всему дышащему и сострадания ко всему страдающему, человека, обладающего совершенной нравственной свободой и лишеного всех предрассудков.

Успеху проповеди Евангелия послужили прямодушие и честность христиан в столкновениях с язычниками по делам житейским и особенно торговым, их верность, преданность и покорность правительству во всех делах, за исключением дел веры. Мученичество – в высшей степени характерное явление первого периода церковной истории. Мученики – это борцы веры; их мучение – это «подвиг» с оттенком торжественности, мученик – не пассивный страдалец, а герой-деятель.

Вообще, христиане этого времени отличались высокою жизнью и истинным благочестием и являлись для всех современников как соль земли, как свет миру. Церковь была носителем высшего благонравия и образования. Она возвратила человеческому роду его достоинство, она облагородила человеческий труд и всякое честное занятие; она поставила рядом бедного, незначительного с богатым и знатным как равного им брата; она научила побеждать эгоизм, материализм и предпочитать страдания и ужасы смерти за Христа всем выгодам и благам житейским.

Литература

Василенко Л. И. Введение в философию религии: курс лекций / Л. И. Василенко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 248 с.

Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.) / М. Э. Поснов. – Киев: Путь к Истине, 1991. – 614 с.

Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// azbyka.ru/ otechnik/books/15530-istorija-hristianskoj-tserkvi/](https://azbyka.ru/otechnik/books/15530-istorija-hristianskoj-tserkvi/) (дата обращения: 25.04.2019).

Радхакришнан С. Индийская философия / С. Радхакришнан. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 1007 с.

Религиоведение / А. А. Мекушкин, К. В. Воденко, С. И. Самыгин; под ред. К. В. Воденко. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 238 с.

Се восходим во Иерусалим. Октябрь 1928 – июнь 1930. Иерусалимские дневники архимандрита Киприана (Керна) / изд. Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже и Русского института в Иерусалиме. – Иерусалим: Бейт аКерем, 2013. – 202 с.: ил.

Торчинов Е. Введение в буддизм: лекции / Е. Торчинов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 352 с. (Азбука-классика. Non-Fiction).

Торчинов Е. Путь запредельного. Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. Торчинов. – СПб.: Пальмира; Книга по требованию, 2019. – 542 с.

Цыпин Вл. Эпоха гонений. Очерки из истории Древней Церкви / Вл. Цыпин. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. – 304 с.

References

Vasilenko L. I. Vvedenie v filosofiyu religii: kurs lekciy / L. I. Vasilenko. – M.: Izd-vo PSTGU, 2009. – 248 s.

Posnov M. E. Istoriya Hristianskoj Cerkvi (do razdeleniya Cerkvej – 1054 g.) / M. E. Posnov. – Kiev: Put' k Istine, 1991. – 614 s.

Pravoslavnaya enciklopediya «Azbyka very» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https:// azbyka.ru/ otechnik/books/15530-istorija-hristianskoj-tserkvi/](https://azbyka.ru/otechnik/books/15530-istorija-hristianskoj-tserkvi/) (data obrashcheniya: 25.04.2019).

Radhakrishnan S. Indijskaya filosofiya / S. Radhakrishnan. – M.: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater, 2008. – 1007 s.

Religiovedenie / A. A. Mekushkin, K. V. Vodenko, S. I. Samygin; pod red. K. V. Vodenko. – Rostov n/D: Feniks, 2015. – 238 s.

Se voskhodim vo Ierusalim. Oktyabr' 1928 – iyun' 1930. Ierusalimskie dnevniki arhimandrita Kipriana (Kerna) / izd. Svyato-Sergievskogo pravoslavnogo bogoslovskogo instituta v Parizhe i Russkogo instituta v Ierusalime. – Ierusalim: Bejt aKerem, 2013. – 202 s.: il.

Torchinov E. Vvedenie v buddizm: lekciy / E. Torchinov. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. – 352 s. (Azbuka-klassika. Non-Fiction).

Torchinov E. Put' zapredel'nogo: Religii mira. Psihotekhnika i transpersonal'nye sostoyaniya / E. Torchinov. – SPb.: Pal'mira; Kniga po trebovaniyu, 2019. – 542 s.

Cypin Vl. Epoha gonenij. Oчерki iz istorii Drevnej Cerkvi / Vl. Cypin. – M.: Izd-vo Sreten-skogo monastyrja, 2016. – 304 s.